

3. Библиографические журналы

²⁴ — «Библиографические записки» (известные как «щепкинские») были основаны в 1858 г. двумя молодыми тогда библиографами А. Н. Афанасьевым и М. П. Полуденским, служившими в Московском архиве иностранных дел, и только потому, что служащим архива не дозволялось быть издателями, Н. М. Щепкин первые два года числился номинальным издателем. Близкое участие в журнале принимал Г. Н. Геннади.

Вокруг журнала «Библиографические записки» формировался круг единомышленников, в который входили молодые люди если не радикального, то во всяком случае отчетливо демократического направления: кроме названных Здобновым А. Н. Афанасьева и М. П. Полуденского, это были: Е. И. Якушкин (сын декабриста, ближайший друг А. Н. Афанасьева), П. А. Ефремов (в будущем прославленный публикатор, редактор и библиофил), В. И. Касаткин (впоследствии сотрудник А. И. Герцена и политический эмигрант), петербуржцы Н. В. Гербель и В. П. Гаевский. Кроме них, в журнале активное участие принимал М. Н. Лонгинов, уже тогда пользовавшийся репутацией непревзойденного знатока XVIII века. Г. Н. Геннади, «принимая близкое участие в журнале», также являлся членом того кружка, который, собственно, и издавал «Библиографические записки», так как Н. М. Щепкин, как правильно пишет, Здобнов, был лишь номинальным издателем.

²⁵ — Это был первый в России журнал, посвященный по преимуществу историко-литературной библиографии.

Утверждение Здобнова нуждается в существенных коррективах. Собственно библиографии, в современном понимании, в журнале было очень мало. Строго говоря, «Библиографические записки» были скорее библиофильским, книговедческим и историко-литературным журналом: в нем по преимуществу публиковались забытые или неизвестные литературные памятники, многие из которых имели большое общественное значение: достаточно назвать имена П. Я. Чаадаева, Н. И. Новикова, М. М. Щербатова, Д. И. Фонвизина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Радищева. В середине XIX в. подобная публикаторская деятельность считалась прерогативой библиографии, поэтому название журнала (которое Афанасьев заимствовал из одноименного раздела «Современника», отданного в 1856–1857 гг. Лонгинову и наполнявшегося подобным материалом) не должно нас дезориентировать.

²⁶ — В «Библиографических записках» напечатано много ценного материала как литературоведческого, так по библиотековедению и книжному делу. Поэтому они считаются одним из лучших русских библиографических журналов. Но они не могли подняться до уровня современной им общественной жизни. Выше было отмечено межеумочное понимание библиографии, которое отразилось на их содержании.

Заявление Здобнова о том, что «Библиографические записки» «не могли подняться до уровня современной им общественной жизни» является плодом недоразумения и неизученности журнала. В 1966 г. вышла в свет книга Н. Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“», в которой имеется специальная глава, посвященная «Библиографическим

запискам» («Друзья „Полярной звезды“»). Выяснилось, что та группа молодых библиографов, о которой шла речь выше, принимала активнейшее участие в изданиях Вольной русской печати: А. Н. Афанасьев, Е. И. Якушкин, Н. В. Гербель, В. П. Гаевский, П. А. Ефремов были тайными корреспондентами «Полярной звезды». Журнал был, по сути, органом «партии» А. И. Герцена в России. «С Герценом и Огаревым, — пишет Эйдельман, — круг „Библиографических записок“ сближала и мысль о том, что декабристы, Пушкин, неопубликованные исторические и литературные материалы особенно необходимы для просыпающейся России — и как призыв к действию, и для решения вопроса о личном и общем, о цели и средствах».⁽¹⁾ «...Даже самый общий обзор открывает большое сходство тем и материалов (декабристы, Пушкин, Радищев) у подцензурных „Библиографических записок“, а также бесцензурных „Полярной звезды“ и „Исторических сборников Вольной русской типографии“. Это сходство интересно и потому, что теми же авторами и издателями „Библиографических записок“ многие очень ценные документы пересылались в Лондон, когда становилось ясно, что их не напечатать в Москве и Петербурге».⁽²⁾

Непонятно, что именно имел в виду Здобнов, говоря о том, что на «содержании этого журнала отразилось межеумочное понимание библиографии». Незнание содержания «Библиографических записок» привело к тому, что в работах советских исследователей их стали трактовать как формалистическое и едва ли не реакционное издание. Так, в «Хрестоматии по русской библиографии» сведения о журнале помещены в разделе «Формализм и объективизм в библиографии 1850–1860-х годов».⁽³⁾ Следует отметить, что эта, устаревшая по своим оценкам хрестоматия, до сих пор не подвергнута критике и фигурирует среди учебных пособий по курсу библиографии. А между тем приведенные выше сведения позволяют сделать вывод, что «Библиографические записки» были одним из наиболее прогрессивных журналов в России середины XIX в.

²⁷ — Хотя они и признавали критический элемент в библиографии, но крайне ограниченно, и сами в первые два года своего существования избегали критической библиографии. В 1861 г. была сделана попытка рецензировать новые книги, но крайне слабая. А читатель ждал тогда именно такой библиографии, откликающейся на злобы дня...

Что касается «критического элемента в библиографии», то очевидно, что под ним Здобнов понимал рецензии на книжные новинки, причем с критико-публицистическим подтекстом. Такой «библиографией» журнал действительно не занимался. Для этого существовали отделы критики и библиографии в общелитературных журналах. Но представлять дело так, будто бы это обстоятельство отвращало читателей от журнала — по меньшей мере наивно. «Библиографические записки» были предназначены не для массового читателя, искавшего разбора новинок, а для ученого, библиофила, библиографа, историка литературы, и в этом качестве вполне удовлетворяли своего читателя. Правда, круг таких читателей в тогдашней России был очень мал. Из переписки А. Н. Афанасьева мы даже знаем число подписчиков — 250 человек (читателей, естественно, было гораздо больше). Вероятно, эта цифра отражает тот круг лиц, которым был адресован журнал. Заметим, что среди его усердных читателей был А. И. Герцен (необычайно оперативно получавший каждый номер журнала), возвратившиеся из ссылки декабристы, ученые-гуманитарии.

²⁸ — ...в 1859 г., когда печать уже обсуждала вопрос об отмене крепостного права и о других реформах, глубоко волновавших весь русский народ, [редакция «Библиографических записок»] предложила своим читателям длиннейшую публикацию старинного (XVI века) военного руководства «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Понятно, что журнал не нашел читателей, в 1860 г. не издавался и, просуществовав еще один, 1861 год, совсем прекратился.

Журнал прекратился не от недостатка подписчиков (он с самого начала был убыточным), а вследствие цензурных репрессий, обрушившихся на него с первого же номера. Материалы о А. Н. Радищеве, Н. И. Новикове, П. Я. Чаадаеве, вольнодумцах XVIII столетия подвергались значительным сокращениям, а то и запрещением. Письма А. Н. Афанасьева и сменившего его на посту редактора в 1861 г. В. И. Касаткина полны жалоб на «цензурный терроризм». Очевидно, эти факты не были известны Здобнову. После закрытия жур-

нала и эмиграции Касаткина русская научная и книговедческая общественность делала неоднократные попытки его восстановления. За это боролись П. А. Ефремов, Н. В. Гербель, А. А. Котляревский (предлагавший место редактора М. П. Полуденскому),⁽⁴⁾ но вопрос так и не был разрешен. Мало находилось охотников издавать убыточный журнал (да еще сражаться с цензурой): для этого надо было быть русским Дон Кихотом, как Афанасьев, или богатым человеком, как Касаткин. Закрывтие «Библиографических записок» было большой потерей для русского книговедения, да и для всей культуры в целом. Заметим, что колоссальный научно-фактологический потенциал этого журнала до сих пор не исчерпан. Недаром он так высоко ценится пушкинистами.⁽⁵⁾

Внимательное изучение содержания «Библиографических записок» позволяет сделать вывод о наличии двух этапов в издании журнала: 1858–1859 — журнал А. Н. Афанасьева и М. П. Полуденского и 1861 — журнал В. И. Касаткина. Продолжая установку на «рассекречивание былого», Касаткин, тем не менее, попытался сделать журнал более популярным и привлечь к нему книгособирателей любого уровня. Для этого им был введен и неукоснительно появлялся в каждом номере раздел «Библиофилиана», содержащий информацию о русской и международной библиофильской и — шире — книжной жизни. Кроме того, он попытался (правда, менее успешно) рецензировать новые книги по профилю журнала. Во время его редакторства в «Библиографических записках» были опубликованы крупные указатели литературы: раскольничья библиография Павла Любопытного и библиография балканских народов в переводе самого редактора. Касаткиным были опубликованы важные иконографические материалы: великолепный, заказанный им в Лейпциге, портрет А. Н. Радищева (первая публикация в России), собственноручный рисунок А. С. Пушкина, изображающий его на набережной Невы с Евгением Онегиным (что было полным открытием для читателя, никогда не видевшего рисунков поэта). Приготовленный для первого номера 1861 г. портрет П. Я. Чаадаева не был пропущен цензурой. Большой конспиративный опыт и умение обойти цензурные инстанции позволяли Касаткину время от времени публиковать в журнале такие тексты, которые не смогли бы появиться на страницах других изданий. В первую очередь это относится к чаадаевским материалам, появившимся в «Библиографических записках» (1861, № 1) впервые после четвертьвекового замалчивания имени философа. Но в целом громадный материал, накопленный Касаткиным, не был пропущен цензурой и осел в его личном архиве.

²⁹ — *«Книжный вестник» (1860–1867) имел последовательно три редакции разной общественно-политической окраски, постепенно выходя на передовые библиографические позиции. <...> В течение всего периода своего существования «Книжный вестник» был книготорговым, но также и критико-библиографическим журналом.*

«Резкое отличие самого типа журнала „Библиографические записки“ от „Книжного вестника“, — пишет специально изучавшая этот журнал Е. Н. Винер, — заключалось <...> не только в наличии в первом историко-литературных материалов и публикаций. Он был рассчитан на другого читателя и ставил себе другие задачи».⁽⁶⁾ «Основное содержание „Книжного вестника“ во все время его существования при различных редакциях составляла критическая библиография текущей литературы. Основной целью журнала было помочь читателю ориентироваться в печатной продукции <...> Он имел в виду в первую очередь интересы широких читательских слоев своего времени из разночинной интеллигенции, а также „практических деятелей книжного дела“ — книготорговцев, библиотекарей и т. д. Этим объяснялось и долголетие „Книжного вестника“, его большой для своего времени тираж. Журнал нашел своего читателя и подписчика».⁽⁷⁾

³⁰ — *При Богушевиче «Книжный вестник» был настроен реакционно, хотя и пытался приспособиться к новым веяниям.*

Это категорическое утверждение Здобнова, скорее всего, основывается не на анализе содержания журнала, а лишь на том, что в свое время о Ю. М. Богушевиче неблагоприятно отзывался Н. А. Добролюбов. Винер подвергает сомнению это утверждение. «Впоследствии Богушевич был крайним реакционером, но никаких точных данных о его политических взглядах во время редактирования им „Книжного вестника“ в нашем распоряжении нет, и есть основание думать (об этом свидетельствует самое направление журнала), что в эти годы на его

взглядах лежал налет, разумеется весьма умеренного, „правительственного“ либерализма — что выражалось в признании необходимости проведения некоторых реформ».⁽⁸⁾ Следует отметить, что в важнейшем в послереформенное время вопросе о народной и массовой литературе журнал ближе всего примыкал к либеральному просветительству.

³¹ — *«Книжный вестник» значительно изменил свой общественно-политический облик с переходом к Сеньковскому...*

В доказательство подобного утверждения Здобнов отмечает такие факты, как публикацию в журнале некролога Н. А. Добролюбова, скрытое сочувствие революционной деятельности А. И. Герцена, публикацию указателя петрашевца Ф. Г. Толля и др. Вместе с тем он полагал, что журнал в то время стоял на *«умеренно либеральных позициях»*. Для такой характеристики им привлечен только один факт: *«безоговорочное»*, как он пишет, опубликование *«объективистской»* статьи Л. П. Блюммера (за подписью Леонид Книжник) *«Задачи современного библиографического журнала»*,⁽⁹⁾ являвшейся, по-видимому, программной для журнала.

³² — *«Журнал, посвященный библиографии, не может довольствоваться простым, хоть и самым полным перечнем книг» <...> «Журнал библиографический может вовсе не быть журналом критическим...». <...> Библиографический журнал <...> «должен быть равнодушным указателем, скупым на слово чичероне (при обозрениях) и солидным прожектором (при рассмотрении обстоятельств, условий фактов)». <...> «Необходимо рассматривать только существенные стороны: интерес, пользу, добросовестность <...> Направления не должен судить биб[лиографический] журнал. <...> Не мнение должно быть преследуемо, а мнение неблагонамеренное, недобросовестное». Так зарождалась теория буржуазного объективизма в библиографии.*

Таким образом, Здобнов, пересказав содержание статьи Блюммера, в которой его больше всего привело в негодование утверждение автора о том, что *«журнал библиографический может вовсе не быть журналом критическим»*, а поэтому не следует судить о направлении того или иного издания, дабы не впасть в необъективность и субъективизм, Здобнов делает вывод: *«Так зарождалась теория буржуазного объективизма в библиографии»* и распространяет положения статьи Блюммера на весь журнал Н. А. Сеньковского.

В действительности не только мысли, высказанные Блюммером (к слову сказать, причастному в то время к радикальным кругам), но и тем более содержание журнала не дает повода для столь категорических выводов. В статье *«Задачи современного библиографического журнала»*, опубликованной Блюммером за подписью Леонид Книжник, говорится о том, что главная задача библиографического журнала — это рекомендация лучших изданий, и в этом он может быть полезен и ученым, указывая *«лучшие сочинения по известной отрасли»*, и книжной торговле.⁽¹⁰⁾ (*«Книжный вестник»* создавался как журнал книготорговый, и лишь по традиции того времени он назван *«библиографическим»*.) В статье Блюммера впервые ставился вопрос о своеобразии русской библиографии. Сравнивая ее состояние в России и в Германии, автор приходит к выводу, что библиография чисто информационного характера (*«простой список книг»*) в России не нужна и следует отдать предпочтение *«руководителю при выборе книг»*. Иными словами, автор считал, что надо исходить из существующего положения в книжном деле и ориентироваться на особенности развития русского книгопечатания и книжной торговли, а не слепо копировать иностранные образцы.

Отсюда следует, что, *«библиографический»* журнал не может ограничиваться простым перечнем книг, хотя нет необходимости помещать в нем и *«подробный отчет о каждой книжке»* (Блюммер указывал на печальный пример быстро прекратившегося *«Московского обозрения»*). На страницах библиографического журнала уместно печатать: журнальные обозрения — *revue*, обозрения по определенным отраслям знания, указатель новых книг, *«указатель торговли книгами и способствующих или вредящих ей обстоятельствах»*.⁽¹¹⁾ Иными словами, он перечисляет определенные виды библиографических работ, которые, с его точки зрения, являются жанрами журнальной библиографии в специальном журнале.

Задача библиографии, по его мнению, — дать *«картину фактического рода в области литературы»*, т. е. представить состояние печатной продукции в стране, но при этом должны быть

указаны и «обстоятельства, обуславливающие факты», т. е. влияющие на выпуск печатной продукции. К ним Блюммер относил: выявление способов удешевления книг, организацию библиотек, пути приобретения книг, состояние типографского дела и книжной торговли. Следовательно, важной задачей библиографического журнала он считал способность ориентироваться в выпускаемой печатной продукции, а для этого журнал должен быть «равнодушным указателем, скупым на слово чичероне (при обзорах)» и «солидным прожектором (при рассмотрении обстоятельств, условий, фактов)». Почему «равнодушным», становится ясным, если обратить внимание на то, какие принципы Блюммер рекомендовал соблюдать при суждении о том или ином произведении (при «рисовке фактов»). По его мнению, необходимо рассматривать «существенные стороны: интерес, пользу, добросовестность», но никак не «направление». Библиографический журнал не вправе судить о политической, идеологической направленности того или иного сочинения, так как «важно только достижение сочинением назначенной цели». Если же журнал принимает определенную точку зрения (например, «чистых экономистов или социалистов»), то «сейчас же явятся несправедливости». «Не мнение должно быть преследуемо, а мнение неблагонамеренное, недобросовестное».⁽¹²⁾ Таким образом, отказываясь от политической оценки разбираемых сочинений, Блюммер отстаивал принципы объективности и общезначимости в библиографии. Напомним, что его статья была написана в начале 1860-х гг., когда библиография активно вовлекалась в сферу политической борьбы.

В 1860-е гг. задачи библиографии уже и в теории непосредственно связываются с задачами развития книжного дела (в статье Блюммера — с задачами книжной торговли) и определяются ими. Значительно меняется и направленность специальных библиографических журналов, которые приобретают явно выраженный прикладной характер и в зависимости от целей создания обслуживают потребности той или иной отрасли книжного дела.

Что же касается утверждения Здобнова о том, что статья Блюммера положила начало «теории буржуазного объективизма в библиографии», то Винер полагала, что заявления Блюммера (и — заметим — позднейших редакторов журнала) «объективистского» толка «должны были подчеркнуть, что никакие личные соображения не будут руководить сотрудниками при оценке книг». «Содержание журнала, — пишет исследователь, — дает достаточный материал для характеристики его направления как радикального, хотя направление это не было ни ярко выраженным, ни всегда последовательным».⁽¹³⁾

³³ — ...такого объективизма придерживался «Книжный вестник» при Сеньковском, выдавая за объективизм умеренно-либеральные позиции. На этих позициях он остался и при Ефремове, который вскоре после вступления в права редактора горделиво заявил, что «„Книжный вестник“ — не листок какой бы то ни было литературной партии».

С этим утверждением также нельзя согласиться. Сама личность П. А. Ефремова, даже вне общего содержания журнала, противоречит подобному утверждению. Ефремов был человеком демократических, даже радикальных убеждений. Достаточно сказать, что он был корреспондентом герценовских изданий (и последователем «русского социализма»), что он издал сочинения К. Ф. Рылеева (впервые после казни поэта) и А. Н. Радищева (издание было уничтожено по постановлению Главного управления по делам печати). Он первый поднял вопрос об установлении памятника на могиле В. Г. Белинского, он переиздал труды и журналы Н. И. Новикова и запрещенный при Екатерине II «Вадим» Я. Б. Княжнина. «...Результаты даже беглого просмотра номеров „Книжного вестника“, выходявшего под редакцией Ефремова, — пишет Винер, — решительно противоречили характеристике его как умеренно либерального, о „Книжном вестнике“ под редакцией Ефремова, можно сказать следующее. Это солидный библиографический журнал радикального направления. В его заметках, рецензиях нередко слышны боевые нотки, направленные против либерального и консервативного лагеря».⁽¹⁴⁾

³⁴ — С переходом в конце 1865 г. (с № 22) к Вл. Ст. Курочкину журнал стал легальным органом группы молодых революционных журналистов во главе с Ник. Ст. Курочкиным...

В данном случае Здобнов прав, и с переходом к Владимиру Степановичу Курочкину журнал действительно стал органом молодых революционеров, которые, мечтали о превращении его «в серьезный, специально критический орган».⁽¹⁵⁾ Библиография их вовсе не ин-

тересовала. Здобнов сочувственно цитирует заявление новой редакции, в котором сказано: «Мы <...> считаем себя не вправе относиться мертвенно-библиографически к такому живому делу, как книжно-литературное <...> и мы думаем, что преимущественно критическое отношение к этому важному делу несравненно плодотворнее».⁽¹⁶⁾ Это пренебрежительное, в духе Добролюбова, отношение к библиографии («мертвенность») и предпочтение ей критики должно было бы, кажется, насторожить историка русской библиографии, но Здобнов и сам был склонен считать критику прерогативой библиографа. В результате журнал был погублен. Все разговоры об аресте основных сотрудников как о причине его прекращения опровергаются одним фактом: резким падением тиража журнала с 1600 до 500 экземпляров. Это говорит о том, что «Книжный вестник» при новой редакции перестал удовлетворять своего читателя. А. И. Малеин считал, что последняя редакция предприняла издание библиографического журнала только для того, чтобы избежать обычных тогда цензурных затруднений при получении разрешения на издание новых журналов, а главной задачей их была только критика. Характерен и список новых сотрудников. Среди них — революционеры Н. Д. Ножин, М. Ф. Негрескул и публицист «Русского слова» В. А. Зайцев, — тот самый, который не мог понять, почему В. Г. Белинский восхищался А. С. Пушкиным и который М. Ю. Лермонтова назвал «разочарованным идиотом». Эти молодые радикалы сражались с фантомами, существовавшими только в их воображении — «искусством для искусства»⁽¹⁷⁾ и «наукой для науки» (от последней требовали только сиюминутной пользы); образцовым же писателем ими почитался В. А. Слепцов, который писал о судьбах разночинцев, был поборником женского равноправия, а в 1863–1864 гг. организовал коммуну.

³⁵ — *Идея издания критико-библиографического журнала как легального органа революционной пропаганды не умерла с прекращением «Книжного вестника». Через два года она была претворена в жизнь журналом «Библиограф». <...> Ближайшее участие в «Библиографе» принимал находившийся тогда в вологодской ссылке П. Л. Лавров...*

Критико-библиографический журнал «Библиограф» издавался в 1869 г. (вышло 3 номера). Его редактором был Александр Николаевич Струговщиков (1808–1878), поэт, переводчик,⁽¹⁸⁾ который сотрудничал во многих известных журналах: «Современник», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки».

В журнале печатались обзоры и рецензии, а также (по примеру других журналов) полный систематический указатель книг, изданных в России на всех языках за первое полугодие 1869 г.

Причиной особого внимания к журналу, который сам Здобнов считал по преимуществу критическим, была программная статья П. Л. Лаврова «Письмо в редакцию». Она пересказывается в «Истории русской библиографии...» на пяти страницах. Для сравнения укажем, что о редакторстве Ефремова в «Книжном вестнике» — всего одна строчка. В данном случае это типичный пример того, как Здобнов историю русской библиографии подменяет историей общественной мысли в России.

³⁶ — *Статья посвящена задачам критико-библиографического (по терминологии Лаврова «литературно-критического») журнала. <...> Здесь уже четко и ясно отвергается показной объективизм, который пробовал культивировать Блюммер в «Книжном вестнике» за 9 лет до возникновения «Библиографа»; здесь ребром ставится вопрос о партийности критики (разумеется, и критической библиографии, которую Лавров не мог отграничивать от критики).*

Сразу же следует оговориться, что ничего о библиографии (в том числе и о «критической библиографии») Лавров в своей статье не писал. Все, что знаменитый идеолог народничества провозгласил принципами литературной критики, без серьезного основания перенесено Здобновым на библиографию. Между тем, «Библиограф» Лаврова имеет весьма отдаленное отношение к истории русской библиографии. Винер, обзревая русские библиографические журналы 1860-х гг., отметила: «Мы не останавливаемся здесь на „Библиографе“ П. Лаврова потому, что он выходил очень недолго (вышло лишь три номера) и по своим установкам и типу не отличался от „Книжного вестника“ в последний период его существования».⁽¹⁹⁾ Специально изучавший этот критический орган Н. Ф. Бельчиков вообще считал, что название было дано журналу в целях конспирации.⁽²⁰⁾

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 153.
- (2) Там же. С. 158.
- (3) *Рейсер С. А.* Хрестоматия по русской библиографии с XI по 1917 г. : учеб. пособие для студентов библиотечных ин-тов. М., 1956. С. 224–226.
- (4) Письмо М. П. Полуденского к А. А. Котляревскому с объяснением причин отказа опубликовано в кн: *Собиратели книг в России / сост. Л. М. Равич.* М., 1988. С. 62.
- (5) См.: *Равич Л. М.* «Пора перестать делать из всего непроницаемую тайну»: (Пушкиниана «Библиографических записок») // Библиография. 1999. № 1. С. 103–114.
- (6) *Винер Е. Н.* Библиографический журнал «Книжный вестник» (1860–1867) / ГПБ. Л., 1950. С. 11.
- (7) Там же. С. 14.
- (8) Там же. С. 19–20.
- (9) Кн. вестник. 1861. № 9. С. 7–8.
- (10) Там же.
- (11) Там же. С. 8.
- (12) Там же.
- (13) *Винер Е. Н.* Библиографический журнал «Книжный вестник»... С. 61, 62.
- (14) Там же. С. 129–130.
- (15) Там же. С. 138.
- (16) Кн. вестник. 1866. № 2. С. 33.
- (17) Н. А. Бердяев писал: «Нужно совершенно устранить устаревший спор о чистом искусстве для искусства. Такого искусства никогда не существовало — это фикция» (Цит. по: *Сов. библиогр.* 1989. № 6. С. 84).
- (18) О нем см.: *Струговщиков Александр Николаевич* // РБС. [Т.] Смеловский – Суворина. СПб., 1909. С. 561–562.
- (19) *Винер Е. Н.* Библиографический журнал «Книжный вестник»... С. 7.
- (20) См.: *Бельчиков Н. Ф.* «Библиограф» (1869) // *Русская журналистика. Шестидесятые годы.* М.; Л., 1930. С. 131–135.